

ЛУИЗА МЭЙ ОЛКОТТ

В СИРЕНЕВОМ САДУ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-54

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *О. Лемпицкой*

Стихи в переводе *О. Лемпицкой, Т. Порошиной*

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фереа*

Художник *Е. Фереа*

Олкотт, Луиза Мэй.
О-54 В сиреневом саду: [роман] / Луиза Мэй Олкотт; [перевод с английского О. Лемпицкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-184032-7

Двенадцатилетний Бен Браун вместе со своим лучшим другом — пуделем Санчо — сбегает из цирка и отправляется в путь, полный опасностей и неожиданных встреч. После долгих скитаний судьба приводит мальчика в уютный дом, окруженный пышноцветущей сиренью. Здесь, среди добрых людей — заботливой миссис Мосс и ее озорных дочек, — у Бена появляется возможность начать новую жизнь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-184032-7

Школа перевода В. Баканова, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Эмме, Иде, Карлу и Лине
за дальними морями
С любовью посвящаю эту маленькую книгу.*

*Ваш новый друг и сестра,
Л. М. О.*

Глава 1

ЗАГАДОЧНЫЙ ПЕС

Аллея из вязов заросла, большие ворота всегда были на замке, да и старый особняк уже много лет стоял закрытым. Однако из-за высокой ограды доносились голоса. Высокая сирень загадочно кивала, будто говоря: «Я кое-что знаю, но не расскажу», а коровяк отчаянно пытался поскорее дотянуться хотя бы до замочной скважины. Если бы тем июньским днем ему удалось вырасти, как волшебному бобовому стеблю из сказки, он увидел бы забавное и весьма приятное зрелище — в саду явно намечался праздник.

От ворот к крыльцу вела широкая дорожка, мощенная темными каменными плитами; высокие кусты, росшие по краям, смыкались над головой зеленой крышей. Стены зеленой залы были украшены изысканным узором полевых цветов и прочих сорных растений, густо оплетающих стебли кустов. На дорожке устроили стол,

положив на два полена доску, застелив ее непригодным для носки платком и сервировав по всем правилам кукольного чаепития. Да, чайник был без носика, молочник — без ручки, сахарница — без крышки, а чашки и блюдца — все без исключения чуть потрескались и побились, но вежливый гость не станет обращать внимание на подобную ерунду, а невежливых на чай не приглашали.

По обе стороны от крыльца располагались скамейки, и загляни любопытный наблюдатель в упомянутую выше замочную скважину, ему представилась бы весьма удивительная картина. На скамейке слева лежали семь кукол, на скамейке справа — еще шесть. Пестрая компания (все они, каждая по-своему, были чумазы, поцарапаны, порваны или поломаны) напоминала пациентов в ожидании больничного ужина, но не тут-то было. Когда ветер сдул накрывавшую кукол простыню, оказалось, что это рядные гости прилегли отдохнуть перед праздничным приемом.

Еще одна деталь этой сцены могла бы озадачить наблюдателя, не слишком сведущего в кукольных делах. Четырнадцатая тряпичная красавица с фарфоровой головой была подвешена за

шею к ржавому дверному молотку. Над крыльцом склонялись веточки белой и сиреневой сирени. Платье из желтого ситца, щедро украшенное красной байковой тесьмой, окутывало стройную фигурку, венок из маленьких цветов украшал блестящие кудри, а ножки в голубых туфельках мило, хотя и не слишком грациозно, торчали пятками врозь. Это зрелище наверняка поразило и глубоко опечалило бы любого юного наблюдателя: отчего же — о, отчего? — эта восхитительная куколка висит на двери на виду у тринадцати подруг? Может быть, она преступница и ее казнили, а зрители в ужасе попадали в обморок? Или она божество и они ей поклоняются? Ни то, ни другое, друзья мои. Просто златокудрая Белинда сидела (а точнее, висела) на почетном месте, потому что ей в тот день исполнялось семь лет и в честь сего знаменательного события намечалось пышное торжество. Гости ожидали приглашения за праздничный стол, но они были прекрасно воспитаны, поэтому ни один из двадцати семи глаз (на тряпичном лице Ганса осталась лишь одна пуговица) ни на секунду не обратился в сторону угощений. Никто даже не моргнул — все чинно сидели в два ряда, восхищенно глядя на Белинду. Она же не

могла сдерживать эмоций, ее набитую опилками грудь распирало от гордости (даже слегка разошелся шов), при порывах ветра она пускалась в пляс, взмахивая желтыми юбками и постукивая каблучками по деревянной двери. Кажется, висеть на ручке было вовсе не больно, потому что Белинда безмятежно улыбалась, и туго завязанная на шее красная ленточка ее не смущала — а раз именинница не возражает против медленного удушья, то и нам не стоит волноваться. Благоговейное молчание не нарушалось ни храпом Дины, которая забралась под одеяло так, что торчал лишь кончик тюрбана, ни плачем малышки Джейн, чья голова была повернута задом наперед, отчего менее терпеливый младенец наверняка разревелся бы.

Вскоре раздались голоса, и в конце аллеи показались две девочки. Одна из них держала маленький кувшин, а другая с гордостью несла накрытую салфеткой корзинку. Девочки походили на близняшек, но на самом деле Бэб была на год старше и чуть выше. Платица из коричневого ситца явно носили всю неделю, чулки были старыми, а башмаки грубыми, но зато сестры в честь праздника надели свежие розовые передники. У обеих — круглые лица, румяные

щечки, курносые носы, веселые голубые глаза и, разумеется, две косички, как у любой порядочной девочки.

— Какие они милые, правда? — воскликнула Бэб, с материнской гордостью взирая на левый ряд кукол. Те, казалось, дружно согласились с хозяйкой: «Очень милые! Все семеро!»

— Да, но моя Белинда лучше всех. Она самая прекрасная кукла на свете! — Бетти, поставив корзинку, побежала обнять подвешенную любимицу, которая от радости чаще застучала каблучками.

— Давай займемся детьми, пока пирог остывает. Ах, как вкусно пахнет! — сказала Бэб, приподнимая салфетку и любуясь круглым пирогом в корзине.

— Оставь мне понюхать! — возмутилась Бетти, подбегая, чтобы тоже насладиться пряным ароматом.

Курносые носы старательно вдыхали, а блестящие глаза любовались великолепным пирогом — румяную масляную корочку украшала буква «Б» из теста, которая, не удержавшись в центре, слегка съехала набок.

— Мама разрешила добавить букву в последний момент, и она сразу припеклась, я не успела

поправить, — пояснила Бетти. — Дадим ее Белинде — она же именинница, — распорядилась она на правах матери виновницы торжества.

— Давай посадим детей вокруг, чтобы они тоже посмотрели, — предложила Бэб, сгребая в охапку кукольное семейство.

Бетти согласилась, и некоторое время обе увлеченно рассаживали кукол. Задача была не из легких, ибо некоторые, будучи слишком мягкими, не садились, а другие, будучи слишком твердыми, — не сгибались, так что девочкам пришлось придумать массу хитрых приспособлений, чтобы учесть особенности каждой. Покончив с работой, гордые мамы отступили, чтобы полюбоваться результатом — смею вас уверить, впечатляющим. Белинда восседала во главе стола, чинно сложив ручки на коленях, прикрытых розовым батистовым платочком. На противоположном конце расположился ее кузен Иосиф в новом пиджаке в лилово-зеленую клетку и не по размеру большой соломенной шляпе, почти полностью скрывающей его лицо. Остальные гости — самых разных размеров и форм, наряженные кто во что горазд, — сидели по бокам, представляя собой веселую разношерстную компанию.

— Ну вот, теперь можно подавать чай, — удовлетворенно сказала Бетти и с тревогой добавила: — Ой, ты не забыла булочки?

— Нет, они в кармане. — Бэб достала из своеобразной кладовой две довольно черствые и раскрошившиеся булки, припасенные для праздника с обеда. Их аккуратно порезали и разложили по блюдам вокруг корзины с еще не тронутым пирогом.

— Молока у нас немножко, но ничего — разбавим водой. Мама говорит, крепкий чай детям вредно. — Бэб взглянула на кувшинчик обезжиренного молока, которым предстояло напоить всю компанию.

— Давай посидим, пока чай заваривается, а пирог остывает. Я так устала! — Бетти со вздохом опустилась на ступеньку крыльца, вытянув пухлые ножки, которые успели изрядно побегать, ведь субботним забавам обычно предшествовали многочисленные дела.

Бэб присела рядом, рассеянно глядя на большие ворота, где поблескивала на солнце огромная паутина.

— Мама собирается зайти в дом, когда немного потеплеет и просохнет после дождя. Осенью она нас не взяла, потому что мы болели

коклюшем, а внутри сыро. Зато сейчас мы все-все увидим! Правда, здорово? — заметила она, помолчав.

— Очень! Мама говорит, в одной из комнат полно книг и мне можно их посмотреть, пока она обходит дом. Если успею что-то прочитать, все тебе расскажу, — пообещала Бетти. Она обожала читать, и ей нечасто попадали в руки новые книги.

— А я хочу увидеть старую прялку на чердаке, большие картины и старинные наряды в синем сундуке. До чего же глупо, что они просто лежат без дела и нам нельзя с ними поиграть. Ух, так бы и вышибла! — Бэб в сердцах пнула ненавистную дверь. — Не смейся, я знаю: ты тоже этого хочешь, — добавила она, поворачиваясь к сестре и слегка устыдившись своей горячностью.

— Я не смеялась.

— Смеялась. Я что, не знаю, как люди смеются?

— Но я-то знаю, что не смеялась!

— Смеялась! Какая же ты врушка!

— Если будешь обзывать, я заберу Белинду и уйду домой — что ты тогда будешь делать?

— Съем пирог одна.

— Ну уж нет! Мама сказала, что он мой, а ты гостя. Будешь вредничать, я вообще отменю праздник.

Страшная угроза мгновенно охладила пыл Бэб, и она поспешила перевести разговор в более безопасное русло.

— Ладно, не будем ссориться при детях. Еще мама сказала, что разрешит нам играть в каретном сарае во время дождя и даже даст ключ.

— Вот здорово! Это потому, что мы рассказали ей про окошко, заросшее плющом, и не стали забираться внутрь без спроса, хоть и могли! — воскликнула Бетти, сразу же успокоившись — после десятилетнего знакомства она прекрасно управлялась со вспыльчивым нравом Бэб.

— В карете наверняка полно пыли, крыс и пауков, но это ничего. Вы с куклами будете пассажирами, а я сяду вперед и буду возничим.

— Ты всегда возничий. Я тоже хочу. Почему я всегда лошадь? Вечно сжимаю в зубах деревяшку, а ты дергаешь меня за руку, — пожаловалась бедная Бетти, которой порядком надоела роль лошади.

— Пойдем принесем воды, — предложила Бэб, чтобы отвлечь сестру от опасной темы.

— Немногие решатся оставить детей наедине с ароматным хлебом в полной уверенности, что они не откусят ни кусочка, — гордо произнесла Бетти, пока они шли к ручью с кукольными ведерками в руках.

Увы, надежды гордых матерей не оправдались! Они отсутствовали всего пять минут, а по возвращении узрели нечто заставившее их дружно вскрикнуть от ужаса. Все четырнадцать кукол валялись вокруг стола, а пирог — их драгоценный пирог! — исчез.

Несколько мгновений девочки не могли пошевелиться от ужаса. Затем Бэб, в ярости отшвырнув ведро и сжав кулаки, яростно крикнула:

— Это все Салли! Она же говорила, что отомстит мне за то, что ущипнула малышку Мэри Энн, — и вот пожалуйста. Ну я ей покажу! Ты беги направо, а я налево. Быстрее!

Они разбежались — Бэб кинулась в одну сторону, а Бетти, послушно развернувшись, изо всех сил бросилась в другую, разбрызгивая воду, поскольку забыла поставить ведро. Обежав вокруг дома, сестры чуть не столкнулись у черного хода, но воровки не обнаружили.

— Я на улицу! — воскликнула Бэб.

— А я к ручью! — запыхавшись, произнесла Бетти, и они опять устремились на поиски непрошеного гостя — одна, вскарабкавшись на стену, выглянула на улицу, а другая стремглав бросилась туда, где они только что набирали воду. Никаких следов. На Бэб невинно смотрели придорожные ромашки, а Бетти своим внезапным появлением спугнула пташку, принимавшую ванну в лужице.

Они вернулись к столу, где их ждало нечто, отчего обе с испуганными криками взлетели на крыльцо.

Посреди разоренного праздничного стола преспокойно сидел незнакомый пес. Он, очевидно, умял пирог вместе с корзиной и теперь, расправившись с последними крошками булки, бесстыдно облизывался.

— Вот негодник, — прошипела Бэб. Она с удовольствием задала бы вору трепку, но слегка опасалась, поскольку подлый зверь выглядел весьма необычно.

— Похож на фарфорового пуделя, правда? — шепнула Бетти из-за спины отважной сестры.

Бетти верно подметила: живой пес, конечно, был гораздо больше и грязнее белоснежной статуэтки, но у него тоже виднелись кисточка на